

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Павел Васильевич Шейн

«К концу века смерть с особым усердием выбирает из строя живых тех людей века, которые были для него особенно характерны. XIX век был веком националистических возрождений, „народничества“ по преимуществу. Я не знаю, передаст ли XX век XXI народнические заветы, идеалы, убеждения хотя бы в треть той огромной целостности, с какою господствовали они в наше время. История неумолима. Легко, быть может, что, сто лет спустя, и мы, русские, с необычайною нашею способностью усвоения соседних культур, будем стоять у того же исторического предела, по которому прошли теперь государства Запада. Народ исчезает, как народ, и остается платежно-государственная масса...»

**Амфитеатров Александр
Валентинович
Павел Васильевич Шейн**

К концу века смерть с особым усердием выбирает из строя живых тех людей века, которые были для него особенно характерны. XIX век был веком националистических возрождений, «народничества» по преимуществу. Я не знаю, передаст ли XX век XXI народнические заветы, идеалы, убеждения хотя бы в треть той огромной целостности, с какою господствовали они в наше время. История неумолима. Легко, быть может, что, сто лет спустя, и мы, русские, с необычайною нашею способностью усвоения соседних культур, будем стоять у того же исторического предела, по которому прошли теперь государства Запада. Народ исчезает, как народ, и остается платежно-государственная масса.

Когда тает народ, тают и народники, мечтавшие задержать его таяние. Бедный П. В. Шейн! Смерть его, издавна больного, на костылях, человека, ни для кого не явилась неожиданностью. Умер именно, можно сказать, «в пределе земном, свершив все земное». И – все-таки, при всем сознании естественной необходимости этой смерти, жаль, необычайно жаль. Отчего? Почему разум, го-

воращий об естественности явления, не может в таких случаях заглушить голоса инстинкта, вещающего об его прискорбности? Я думаю, – потому что смерть таких людей, как Шейн, является нам прежде всего не как их личная смерть, но как символ общего конца ряда больших феноменов, смерти целой эпохи, которой они были представителями. Вы чувствуете себя на границе историко-культурного периода. Goetterdaemmerang [Сумерки богов (нем.)]. Одни боги уходят из мира, изгнанные, чтобы заменить другими... Кто ими будет? Каковы они будут? Смертным темно. Знает судьба, зловещий Fatum, что сидит выше Олимпа, что сильнее и вечнее всех восходящих и заходящих богов. Верно одно —

*Ударил час. Пора им, братья!
Иные люди в мир идут,
Иные взгляды и понятия
Они с собою принесут...*

Романтики старого славянофильского народничества лежат в гробу отпеты, завтра на них просыплется земля, и споют им вечную память. За Третьим Филипповым, как за королем Артуром рыцари Круглого стола, начали

вымирать и двигатели того нарядного славянизма, что ходили искать в народе красную рубаху с синими ластовицами, сарафан, былинку, поговорку. Умирает народная самобытность – умирают и те, кто чаял найти в самобытности этой наше спасение, государственное и нравственное. Шейн оставил по себе как бы духовное завещание в своем «Великороссе»: это – *summa summarium* [итог итогов (лат.)] всего в духе, мысли и вдохновении, чего мог достичь великорусский славянин – сам по себе, нутром, без немца и Петровой науки. «Великоросс», вышедший в 1899 и в 1900 годах, такой же, по существу своему, по нравственному и историческому значению, памятник, как «Домострой» Сильвестра, как переписка Курбского с Грозным и т. п. Это – голос старой умирающей допетровской Руси, раздавшийся поздним переживанием в молодой расцветающей послепетровской России.

Как ее любили, эту старую романтическую Русь, ее немногие, дожившие до нашего времени паладины! Взять хотя бы того же Тертая Филиппова, который зрил едва ли не полубога в В. В. Андрееве, ибо этот последний возы-

мел счастливую идею вдохнуть утраченную жизнь в народные инструменты, о коих мы знали более лишь, как о курьезе, из былин и сказок.

Взять П. В. Шейна...

Я его очень мало знал. Я встретился с ним дважды у покойного Я. П. Полонского, в знаменитой квартире покойного поэта на углу Бассейной и Знаменской. Высь поднебесная. Во втором часу ночи сходили мы с Шейном по бесконечной лестнице; он – хромой, еле движущийся, – опирается на меня. Говорим о песне народной, о сохранении в песне старого языческого обряда... Я повторяю Шейну наизусть два-три отрывка из вариантов, которых нет у Киреевского, – к песням о 12-м годе: «Проторена путь-дорожка от Можая до Москвы» и т. д.

И старик вдруг воскресает, забывает о костылях, о хворобе.

– Где вы записали?

– Под Москвою, в Царицыне, от волоколамок, которые нанимаются снимать малину... Царицыно ведь все малинничает.

– Голубчик, дайте мне эти варианты.

- Да нету у меня целиком: в Москве.
- Пришлите.
- Если найду, с удовольствием.
- Да нет! вы забудете... Я лучше сам в Москву приеду, возьму у вас, – уж при мне-то вы их, наверное, разыщете.

В Москву П. В. Шейн, конечно, не приехал, ибо я, как прибыл домой, сейчас же требуемые варианты разыскал и послал ему, за что и получил от него весьма милое письмо. Но я помню, что был глубоко тронут и даже смущен этим юношеским пылом семидесятилетнего старика. Ехать больным, расслабленным, за 600 верст только за тем, чтобы записать варианты песни, подобрать ничтожный осколок из сокровищ народного духа, – какую страстную любовь к духу этому надо было иметь, насколько быть преданным его возвышенной мечте!

Народники-славянофилы умерли или умирают.

Народники-общинники ведут отчаянную борьбу с новыми движениями, хладнокровно низводящими значение народа к конгломерату статистических единиц «среднего челове-

ка».

Кто станет им на смену, – Бог знает.

Одно скажу: эти уходящие счастливее восходящих. Им было что любить, – что не только надо, но и легко любить. Большое слово и большое понятие «народ», и – уввы! – как тихо и слабо звучит, хотя и широко растянулось слогами, «народонаселение».